

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.3>.
EDN: OIMTLR

*В.Б. ГОЛЬБРАЙХ*¹

¹Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МИНИСТРЫ КУЛЬТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЙ И БАССЕЙНА РЕКРУТИРОВАНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию карьерных траекторий представителей региональных элит, отвечающих за проведение культурной политики в субъектах Российской Федерации. С использованием метода структурно-биографического анализа были рассмотрены биографии 129 министров культуры, занимавших свой пост в 2020 и 2024 гг. Выявлены особенности этой группы региональной бюрократии. Автор замечает, что существенная часть министров окончила профильные вузы, связанные со сферой культуры, и до вступления в должность имела опыт работы в соответствующей области, а также занимала административные должности на местном и региональном уровне. Следовательно, как и в отношении региональной административной элиты, можно говорить о бюрократической профессионализации руководителей ведомств, ответственных за проведение культурной политики в регионах. В то же время изучаемая часть административной элиты является более открытой по сравнению с региональной административной элитой в целом. Для нее в большей степени свойственно внешнее рекрутирование. Исследование показало, что важную роль в процессе рекрутирования бюрократической элиты в сфере культуры играют группы, занимающие промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре (сфера культуры, науки и образования). Выдвинуто предположение, что

в большей степени лоббистами в области культуры являются лица, ранее занимавшие различные должности в учреждениях этой отрасли. Также замечено, что заметная доля чиновников после ухода с поста руководителя региональной культуры устраивается в учреждения культуры и образования. В свою очередь, если сравнивать с региональной административной элитой в целом, то бизнес-структуры в гораздо меньшей степени становятся бассейном для рекрутирования на должности руководителей ведомств по управлению региональной культуры.

Ключевые слова: региональные министры культуры, региональная административная элита, карьера, бассейн рекрутирования.

Для цитирования: Гольбрайх В.Б. Региональные министры культуры: особенности карьерных траекторий и бассейна рекрутирования // *Власть и элиты*. 2025. Т. 12. № 2. С. 110–135.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.3>. EDN: OIMTLR

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена региональной элите, отвечающей за проведение культурной политики в субъектах Российской Федерации. Государственная культурная политика определяется в России как «деятельность, осуществляемая органами публичной власти при участии институтов гражданского общества, направленная на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей»¹. К полномочиям органов субъектов Российской Федерации в области культурной политики среди прочего относятся: сохранение, памятников истории и культуры, находящихся в собственности субъектов РФ; создание и поддержка региональных государственных музеев, организация библиотечного обслуживания; создание и поддержка учреждений

¹ О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: утв. Указом Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 [Электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2025.

URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855>

культуры и искусства (за исключением федеральных); поддержка народных художественных промыслов; поддержка региональных и местных национально-культурных автономий¹. Исследователи подчёркивают, что с начала 2000-х гг. происходит усиление роли российского государства в сфере культуры, [30]. При этом именно на региональные власти ложится существенная доля в проведении культурной политики. Так, по данным отечественных авторов, в 2020 г. около 83 % всех культурных затрат приходилось на региональный уровень [12]. В связи с этим интересно задаться вопросом, кто именно является проводником культурной политики в российских регионах. Рассмотрим траектории карьер и бассейны рекрутирования руководителей органов власти субъектов РФ, отвечающих за культурную политику.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Исследователи подчеркивают важность изучения социально-профессионального состава региональной элиты, поскольку он «отчасти может быть своего рода “зеркалом”, в котором отражается структура власти регионального сообщества» [19, с. 147]. В том числе отмечается значимость социально-профессионального происхождения представителей региональной элиты и особенностей их карьеры, которые «могут в какой-то степени влиять на их политические аттитюды и поведение» [4, с. 77]. Однако в нашем случае едва ли можно говорить о влиянии социально-профессионального происхождения на политическое поведение региональных министров. Среди представителей российской «культурной элиты» всегда были распространены абсолютно разные эстетические и политические взгляды. Скорее, можно предполагать, что профессиональное происхождение и карьера региональных министров культуры могут влиять на то, в какой мере они понимают потребности представителей сферы культуры и как защищают их интересы. Так, по мнению некоторых авторов, «представителей элиты, являющихся профессионалами, можно считать предста-

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 24.06.2025) [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2025. URL: <https://sudact.ru/law/osnovy-zakonodatelstva-rossiiskoi-federatsii-o-kulture-utv>

вителями своей профессии» [25, р. 162]. Как отмечают отечественные исследователи «профессия и опыт, формируя габитус, способны оказывать существенное влияние на последующую деятельность акторов, которые, войдя во власть, транслируют собственные представления» [14, с.11]. С точки зрения Т. Гульбрандсена «в рамках профессии развиваются базовые представления, идеи и ценности, которые влияют на институты и организации, где они доминируют» [9, с. 81]. В качестве примера он приводит профессию агронома, которые «составляли активную часть Министерства сельского хозяйства, ориентируя его деятельность на их интересы» [9, с. 77]. Несмотря на существенно отличающийся политический контекст можно предположить некоторое влияние и представителей сферы культуры, составляющих существенную долю сотрудников органов управления культурой в России.

В работах, посвященных анализу элиты, выделяются два типа рекрутирования: внутреннее и внешнее. В первом случае «доступ в элиту становится результатом продолжительной карьеры в административных структурах». Во втором случае возможен приход «в элитную административную должность из других сфер деятельности (бизнеса, политики, науки) без продолжительной предшествующей работы на низших уровнях административного аппарата» [20, с. 116]. Существуют две научные точки зрения на карьеру. Согласно первому подходу, на карьерный путь прежде всего влияют особенности индивидуальной личности. Согласно второму, карьерные возможности в большей степени определены социальным происхождением и особенностями социализации человека. Представители последнего подхода полагают, что «определенные должности могут занимать только политики с определенными социальными характеристиками и опытом» [24, р. 232].

Кроме того, в научной литературе выделяется такой критерий как степень открытости элитной структуры. Она может варьироваться от низкой (элиты рекрутируются из общего социального слоя) до высокой (отсутствует доминирование одного социального слоя) [32, р. 26]. В первом случае «министры в основном набираются из однородного «высшего класса» [31, р. 232]. Во втором случае в правительстве присутствует какая-либо форма социального представительства (промышленники, лидеры групп интересов, фермеры), что должно

свидетельствовать о том, что бюро, «вероятно, защищают интересы различных слоев и в какой-то степени являются местом, где происходят дискуссии между различными сегментами общества» [34, р. 24]. У. Хоффман-Ланге также подчеркивает одно из важных измерений политической элиты — характер связей между элитой и гражданами, т.е. степень, «в которой различные группы и интересы в обществе представлены в политической элите» [27, р. 54].

Другое измерение, которое необходимо учитывать при исследовании элиты, — элитная интеграция, одним из показателей которой служит опыт карьеры в различных секторах, «способствующий развитию отношений сотрудничества между лидерами различных секторов и организаций» [27, р. 63]. Е. Хуске отмечает, что к власти приходят, с одной стороны, те, кто делает «специализированную карьеру в государственном управлении», а с другой, те, кто привносит более общий опыт, приобретенный в негосударственных учреждениях [28, р. 370]. В этом отношении крайне значима «проницаемость каналов рекрутирования, возможность перехода между элитными группами, находящимися в разных секторах общества» [22, с. 48].

Исследователи полагают, что карьерные возможности определяются тремя факторами: наличием должностей, доступностью (что необходимо для того, чтобы попасть на определенную должность, кто избирает / отбирает на эти должности) и привлекательностью должностей (включая статус, власть, зарплату и т.д.) [33, р. 160]. Анализируя карьеры министров, некоторые авторы выделяют два типа министров: дилетант и специалист. В первом случае «предыдущая профессия (до прихода в политику) не связана с их должностью в кабинете министров». Такие чиновники переходили с одной политической должности на другую, приобретая опыт в различных офисах. Те, кого ученые определяют как «специалисты», получили для своей министерской должности определенную квалификацию. Обычно они проводят много лет «в одном и том же министерстве и никогда не занимают никаких других должностей в кабинете министров» [31, р. 235].

Еще один важный аспект при рассмотрении процессов рекрутирования элит — это степень их институционализации. Основные критерии институционализации — «стабильность властных структур

и возможность эффективно их использовать» и «специфический бассейн рекрутирования, создание резерва кадров в административных структурах, наличие собственной социальной базы» [11, с. 120]. Как отмечается в одной из работ, несмотря на то что в ряде стран существует политико-административный сектор, отвечающий за проведение культурной политики, и культурную политику на разных уровнях власти формируют государственные деятели, «исследования культурной политики лишь в незначительной степени касались этих политиков как категории акторов» [26, р. 1]. Если к анализу российской региональной элиты (например: [5; 15; 16; 17]) отечественные авторы обращаются регулярно, то представители элиты, отвечающие за управление культуры, оказываются в центре внимания исследователей довольно редко [6; 7; 8; 18; 21].

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Я предлагаю проанализировать карьерные траектории представителей региональных элит в области культурной политики из разных субъектов РФ. Хотя в некоторых субъектах эти подразделения именовались по-разному («министерство культуры и архивного дела», «департамент культуры правительства» и др.) и могли переименовываться в течение времени, в большинстве своем они именовались «министерства культуры», и, в рамках исследования, руководителей этих подразделений, я буду обозначать как «министры культуры». А именно мною были изучены карьеры министров культуры, которые занимали свой пост в 2020 г. и 2024 г. Поскольку изначально предполагалось провести сравнительный анализ группы региональной элиты за 2020 и 2024 гг., в ходе исследования было решено не рассматривать биографии министров культуры субъектов РФ, включенных в ее состав в 2022 г. (Луганской и Донецкой Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей). К тому же ситуация в этих регионах существенно отличается от ситуации в других субъектах РФ и требует отдельного исследования.

Источниками для поиска информации о министрах культуры стали сайты соответствующих подразделений администраций субъектов РФ, СМИ, социальные сети и иные источники. Всего были проанализированы биографии 129 человек. Основным методом работы стал

структурно-биографический анализ. Я опирался на методику, применявшуюся в работах сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН. Отдельными аспектами исследования являются особенности социально-демографического профиля, карьерных траекторий и бассейна рекрутирования министров культуры субъектов РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первую очередь стоит отметить, что и в 2020, и в 2024 большинство постов министров культуры РФ занимали женщины (54 % и 65 %). Это не удивительно. Как отмечают отечественные авторы, «социально-профильные комитеты исполнительной власти чаще всего возглавляются женщинами» [13, с. 83].

Большинство чиновников (на момент занятия должности) были людьми «среднего» возраста (см. табл. 1). В то же время довольно большая доля из них получила пост министра культуры в «молодом» возрасте (от трети до четверти) и буквально единицы в возрасте «пенсионеров». Самым молодым министром культуры в России стал Сергей Емельянов, в 23 года занявший пост министр культуры Республики Коми. При этом возраст министров культуры несколько повысился в 2024 по сравнению с 2020.

Таблица 1 (Table 1)

Возраст министров культуры субъектов РФ (%)

*Age of Ministers of Culture of the constituent entities
of the Russian Federation (%)*

Возраст вступления в должность министра культуры субъекта РФ	Министры культуры	
	2020	2024
Молодые (22–40)	33	26
Средний возраст (41–60)	63	73
Пенсионеры (старше 60)	4	1
N	82	82

Говоря о распределении министров культуры по поколениям, стоит отметить, что большая часть чиновников относилась к поколению

«кризиса» (1972–1990 г.г.) — 52 % в 2020 г. и 65 % в 2024 г. Вторая по численности группа — к поколению перестройки (1965–1971 г.г.), 28 % и 22 %. Третья — к поколению застоя (1953–1964 г.г.), 20 % и 12 %. Данное распределение отличается от результатов исследования возрастов топ-чиновников десяти регионов России, которое показало большую долю чиновников, относящихся к поколению «застоя» и, соответственно, меньшую к поколению «кризиса» [1, с. 58].

Проделанный мною анализ показал, что существенная доля министров культуры российских регионов родилась в селах и малых городах (см. табл. 2). В этом отношении мы не видим серьезного различия в месте первичной социализации у тех, кто в дальнейшем будет ответственен за управление региональной культурой, и у региональной административной элиты в целом [1, с. 60].

Таблица 2 (Table 2)

Место рождения министров культуры субъектов РФ (%)
*Place of birth of the Ministers of Culture of the constituent entities
 of the Russian Federation (%)*

Место рождения	Министры культуры	
	2020	2024
Село	25	21
Малый город	24	23
Столица субъекта РФ	32	37
Москва	4	2
Санкт-Петербург	1	1
Города союзных республик	10	12
Другое ¹	4	4
N	80	79

Необходимо отметить, что существенная доля будущих министров культуры (33 % в 2020 и 38 % в 2024) родились не в том субъекте РФ, где затем заняли свою должность. При этом лишь 17 % министров

¹ Имеется информация не о типе поселения, а только о субъекте РФ, в котором родился министр.

культуры национальных республик (не считая автономных округов) в 2020 и 26 % в 2024 прошли первичную социализацию не в своей республике.

Возникает вопрос, в какой степени карьера в области управления культуры связана с высшим образованием, которое получили региональные министры культуры. Как видно, существенная доля министров культуры 2020 и 2024 получила образование в области культуры / искусств (см. табл. 3). При этом обращает на себя внимание то, что среди министров культуры 2024 высшее образование в области, непосредственно связанной с их последующей работой, получили существенно меньше человек.

Таблица 3 (Table 3)

Высшее образование министров культуры субъектов РФ (%)

Higher education of the Ministers of Culture of the constituent entities of the Russian Federation (%)

Образование	Министры культуры	
	2020	2024
Культура, искусство	41	32
Гуманитарное	25	31
Экономическое	10	11
Техническое	9	4
Юридическое	5	11
Медицинское	2	0
Управленческо-политическое	2	1
Военное	1	0
Другое	4	10
N	82	83

Большинство из тех, кто получил высшее образование в области культуры / искусства, окончили институты культуры (в 2020 — 59 %, в 2024 — 52 %). Второй по численности тип институтов в области культуры / искусства, которые окончили региональные министры культуры,— консерватории (23 % в 2020 и 18 % в 2024). В целом, 66 %

министров культуры 2020 и 63 % 2024 окончили вузы, которые можно было бы отнести к гуманитарным (образование в области культуры / искусства, гуманитарные науки). В отличие от региональной элиты в целом [10, с. 142], техническое образование получила незначительная доля чиновников в сфере культуры. Как отмечают исследователи, одним из факторов, оказывающих влияние на построение карьеры и попадание в элитные круги, является окончания вуза в регионе, в котором проходит карьера чиновника [23]. В нашем случае 46 % министров, находившихся на своей должности в 2020, окончили вузы «своего» региона. В 2024 таковых было 53 %. Столичные вузы окончили 14 % министров культуры 2020, вузы Санкт-Петербурга — 10 %. В 2024 8 % региональных министров культуры окончили московские вузы и 6 % — вузы Санкт-Петербурга.

Второе высшее образование получило 40 % министров культуры, занимавших свой пост в 2020, и 45 % — в 2024. Более двух высших образования имели 2 % региональных министров 2020 и 2 % — 2024. В этих случаях большинство министров получили образование в управленческо-политической области (48 % министров 2020 и 42 % 2024). При этом лишь 12 % руководителей, управлявших культурой в 2020, и 19 % в 2024, получили второе высшее образование в области культуры / искусств. Также только 12 % (2020) и 19 % (2024) министров получили второе высшее гуманитарное образование.

Если говорить о региональных министрах культуры, имеющих ученую степень, то среди них в 2020 было 17 % кандидатов наук, в 2024 таковых было 13 %. В 2020 и в 2024 среди министров был 1 % тех, кто являлись докторами наук. Среди областей знаний, по которым им были присуждены степени — культурология, история, искусствоведение, педагогика, экономика и другие.

В рамках настоящего исследования предполагалось проанализировать траектории карьер министров культуры. Для этого были выделены следующие области деятельности, в которых у чиновников был опыт работы до занятия их должности: 1) исполнительные органы (за исключением органов управления культуры); 2) органы управления культурой; 3) представительные органы; 4) учреждения культуры; 5) учреждения науки и образования; 6) бизнес-структуры; 7) силовые органы (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Опыт работы министров культуры субъектов РФ (%)
*Experience of the Ministers of Culture of the constituent entities
of the Russian Federation (%)*

Наличие опыта работы	Министры культуры	
	2020	2024
Органы исполнительной власти (за исключением органов управления культуры)	48	46
Органы исполнительной власти — управление культуры	59	60
Представительные органы	6	6
Учреждения культуры	45	43
Учреждения науки, образования	42	42
Бизнес-структуры	22	19
Силовые органы	2	0
N	85	85

Как видно из полученных данных, до прихода на место министра культуры большинство чиновников уже работали на каких-либо должностях в органах управления культуры. Например, министр культуры Еврейской АО М.Ю. Ушакова до того, как возглавила министерство в 2020, около 13 лет работала в отделе культуры администрации МО «Смидовичский район» Еврейской АО, а затем пять лет была заместителем начальника управления культуры правительства области. Министр культуры Республики Мордовия С. Баулина с начала 2000-х гг. работала в отделе культуры одного из районов Саранска, затем в управлении культуры столицы республики, а с 2014 по 2019 гг. в министерстве культуры Республики Мордовия.

Также анализ показал, что почти половина министров культуры до вступления в должность имела опыт работы в различных органах исполнительной власти, никак не связанной с областью культуры. Это могли быть самые разные должности муниципального или регионального уровня. При этом надо отметить, что за рассматриваемый

период не было ни одного случая перехода на пост регионального министра с федерального уровня.

Представляется важным, что значительная доля, более 40 % министров имели до занятия своих должностей опыт работы в учреждениях культуры. Причем более трети министров работали в этих учреждениях не менее пяти лет. Можно предположить, что наличие подобного опыта влияет не столько на политические аттитюды чиновников или их эстетические взгляды, но скорее оказывается значимым для понимания потребностей сферы культуры. Несмотря на то, что социальные министерства не имеют большого влияния, такие министры в большей мере могут лоббировать распределение финансирования, откликаться на требования местных деятелей культуры и быть защитниками их интересов.

Примерно та же доля региональных министров культуры ранее работала в области образования и науки. Важно, что 62 % из них (2020) и 39 % (2024) работали в учреждениях образования, связанных со сферой культуры, таких как Уфимская государственная академия искусств им. З. Исмәгилова; Махачкалинское музыкальное училище; Красноярский государственный хореографический колледж или Острогжская детская школа искусств Воронежской области.

Всего доля министров, чья карьера в прошлом развивалась в сфере культуры (либо в учреждениях культуры, либо в той части образования, которая имела отношение к культуре), была около 60 % в 2020 и 50 % в 2024. При этом около 30 % министров как в 2020, так и в 2024 до занятия своих постов никогда не работали ни в сфере культуры, ни в сфере науки и образования.

Далее рассмотрим, в какой области региональные министры культуры занимали свои должности прежде, чем войти в элиту. Как следует из полученных данных, предэлитная активность большинства будущих министров носила политико-административный характер (см. табл. 5). Абсолютное большинство из них занимало административные должности в структурах местной или региональной власти.

Хотя предэлитная должность большинства министров культуры относилась к политико-административной сфере, заметная часть чиновников, около трети, работала в области культуры, науки и образования. Обращает на себя внимание то, что предэлитная должность

Таблица 5 (Table 5)

Предэлитная активность (сфера деятельности, непосредственно предшествующая первой в биографии элитной должности) (%)*Pre-elite activity (sphere of activity immediately preceding the first elite position in the biography) (%)*

Предэлитная должность	2020	2024
Политико-административная активность	54	58
Хозяйственно-экономическая активность	9	6
Активность в области культуры	25	26
Активность в области науки и образования	9	7
Активность в СМИ	1	1
Другое	2	4
N	84	83

крайне небольшого числа региональных руководителей была в сфере бизнеса, что гораздо меньше по сравнению с предэлитной активностью регионального чиновничества в целом [2, с. 134].

Кроме того, у большинства министров культуры субъектов РФ (более 70 %, как в 2020, так и в 2024) первой элитной должностью стал один из постов в региональном управлении культуры. Среди них были те, кто становились заместителем руководителя управления культуры или его руководителем, после чего уходили на другую работу, а затем вновь приходили в этот орган (таковых было 12 % в 2020 и 5 % в 2024). Для 60 % региональных министров 2020 и 70 % министров 2024 первой элитной должностью стала должность в региональном управлении культуры. Это был либо сам пост министра, либо должность, которая привела к нему непосредственно (должность заместителя министра культуры).

Как отмечают исследователи, анализ бассейна рекрутирования региональной политической элиты позволяет посмотреть на сферу активности членов региональной политической элиты до вхождения в нынешнюю должность и дает возможность выявить «основные источники их рекрутирования» [4, с. 94].

Таблица 6 (Table 6)

Работа министров культуры субъектов РФ:
предшествующая и предпредшествующая должности (%)
Job of Ministers of Culture of the constituent entities of the Russian Federation:
preceding and pre-preceding their positions (%)

Занятие	2020		2024	
	Предшествующая должность	Предпредшествующая должность	Предшествующая должность	Предпредшествующая должность
Депутат	5	4	1	2
Администратор	63	57	68	63
Хозяйственник, бизнесмен	2	6	3	5
Культура	23	24	21	24
Наука, образование	10	7	6	5
СМИ	1	1	0	1
Силовик	0	0	0	0
Юрист	0	1	0	1
Медик	0	1	0	0
Другое	0	0	1	3
N	85	83	85	84

Из доступных данных следует, что в большинстве своем до прихода на пост руководителя министерства региональные министры культуры занимали административные должности (см. табл. 6). В этом отношении они не очень отличаются от широко понимаемой региональной административной элиты [19, с. 151]. В обоих случаях можно говорить о бюрократической профессионализации. Почти половина (48 % в 2020) или более половины (55 % в 2024) министров занимали

чиновничьи должности как на предпредшествующей, так и на предшествующей работе. Существенная доля из них до занятия поста министра работала в различных управлениях культуры, как местного, так и регионального уровня. Такую предшествующую должность имели 38 % министров, находившихся на своем посту в 2020, и 46 % в 2024. Соответственно, предпредшествующую должность в одном из управлений культуры имели 26 % министров в 2020 и 33 % в 2024.

Что существенно отличает бассейн рекрутирования региональных министров культуры от региональной административной элиты в целом, так это то, какую роль играют люди, занимающие «средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре» как ресурсе для рекрутирования [4, с. 107]. В данном случае прежде всего имеется в виду сфера культуры—важный бассейн рекрутирования для региональных руководителей культуры. Если прицельно обратиться к этому сектору, то можно увидеть, откуда именно приходили министры. В таблице суммированы их как предшествующие, так и предпредшествующие должности (см. табл. 7). Данные показывают, что прежде всего это работа в ДК (или культурных центрах), театрах и музеях. Интересно, что в двух случаях (Осетия и Тверская область) министром культуры становился актер, не занимавший ранее никакие административные должности.

Можно сказать, что административная элита в области культуры более открыта по сравнению с региональной административной элитой в целом. Для нее в большей степени свойственно внешнее рекрутирование. Около 20 % региональных министров культуры как в 2020, так и в 2024, служили в учреждениях культуры или науки и образования на предпредшествующих и предшествующих должностях. Впрочем, как следует из одного исследования, и чиновники федерального министерства культуры «обычно приходят из подведомственных ему организаций— из учреждений культуры» [18, с. 504].

Кроме того, наш анализ показал крайне незначительную роль бизнеса как бассейна рекрутирования министров культуры по сравнению с региональной административной элитой в целом. Этот факт можно объяснить непривлекательностью рассматриваемых должностей для представителей бизнеса, поскольку они не обеспечивают

Таблица 7 (Table 7)

**Работа министров культуры субъектов РФ в сфере культуры:
предшествующая и предпредшествующая должности (%)**

*Job of Ministers of Culture of the constituent entities of the Russian Federation
in the cultural sector: preceding and pre-preceding their positions (%)*

Занятие	2020	2024
ДК, культурные центры	39	21
Театр	28	25
Музей	21	50
Филармония	18	12
Библиотека	14	8
Ансамбли, хоры, музыкальные центры	11	4
Продюсер	3	0
Актер	0	8
Кинорежиссер	0	4
N	28	24

соответствующие доходы и нужный статус в отличие от других структур региональной администрации.

Отечественные исследователи указывают, что на сплоченность элит влияет такой фактор как эндогенность (укорененность) членов регионального элитного сообщества [3, с. 15]. Индикаторами эндогенности служат: место рождения; место получения высшего образования; и совпадение места предшествующей работы и нынешней элитной позиции. Однако в случае сферы культуры важно, как кажется, что фактор эндогенности влияет и на идентификацию акторов с регионом, особенно это существенно для руководителей управлений культуры национальных республик. Наш анализ показал, что к эндогенному ядру (родившимся, получившим первое высшее образование, предыдущую должность и должность министра культуры в одном и том же регионе) можно отнести 38 % министров в 2020 и 36 % в 2024. При этом неожиданно оказалось, что среди руководителей национальных

республик, если не брать автономные округа, к эндогенному ядру относятся лишь 22 % в 2020 (30 % в 2024), а среди региональных министров краев и областей таковых в 2020 было 49 % (в 2024 — 45 %). Следовательно, можно говорить о большей укорененности министров культуры краев и областей в сравнении с министрами национальных республик. Однако если мы возьмем в качестве фактора эндогенности место рождения, предыдущую должность и должность министра, не учитывая место получения первого высшего образования, мы увидим другую картину. К укорененным чиновникам в этом случае в 2020 будут относиться 83 % министров национальных республик (69 % в 2024) и 68 % министров краев и областей (61 % в 2024).

Отдельный интерес представляет карьера региональных министров после их отставки. К примеру, С. Якле задается такими вопросами: помогает ли членство в кабинете министров земельной администрации продолжить политическую карьеру после окончания срока полномочий в исполнительной власти, и «какие типы карьеры после выхода из кабинета министров мы встречаем (частный сектор, академическая карьера?)» [29, р. 3]. Что касается региональных министров культуры РФ, за весь рассматриваемый в нашем исследовании период с поста министра культуры ушли 46 человек. О дальнейшей карьере шести министров ничего не известно. Один чиновник после отставки ушел на пенсию, а двое были уволены в связи с возбуждением против них уголовных дел. В отношении остальных руководителей культуры, а именно их первой работы после ухода с должности, наш анализ показал следующее (см. табл. 8).

Как демонстрируют полученные данные, административную карьеру продолжили менее трети министров. При этом только один из них перешел на должность федерального уровня, в Министерство культуры РФ. Пять руководителей ведомств получили повышение на региональном уровне (стали заместителями председателя регионального правительства или губернатора) и пять министров стали руководителями других региональных министерств.

Более половины руководителей ведомств сразу после отставки перешли работать в сферу культуры, науки и образования, заняв такие должности как директор Самарского академического театра драмы им. М. Горького, директор Национальной библиотеки Чувашской

Таблица 8 (Table 8)

**Опыт работы после ухода с должности
министра культуры субъекта РФ (%)**

*Job experience after leaving the position the post of Minister of Culture
of a constituent entity of the Russian Federation (%)*

Должность после ухода с поста министра культуры	Наличие опыта
Администратор	30
Работа в учреждении культуры	40
Работа в учреждении науки, образования	16
Хозяин, бизнесмен	8
Другое	5
N	37

Республики, заместитель директора музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Пять министров после ухода с должности получили должности в Москве или Петербурге (например, директора Александринского театра, заместителя художественного руководителя театра «Современник», директора департамента регионального развития Российского географического общества).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование продемонстрировало особенности региональной бюрократии в сфере культуры. Подтвердилось ожидания о том, что существенная доля руководителей получила образование в области культуры / искусств и гуманитарных наук. Существенным в карьерных траекториях региональных руководителей культуры представляется то, что более половины министров имели тот или иной опыт работы в учреждениях культуры или образования, связанных с областью культуры. Кроме того, после ухода с поста руководителя региональной культуры существенная часть чиновников устраивается в учреждения культуры и образования. В целом, около 30 % руководителей можно отнести к профессионалам, «представителям своей профессии» (тех, кто окончил профильные вузы,

связанные со сферой культуры, и имеет опыт работы в соответствующей области). Однако в какой степени «профессионализм» сказался на содержании работы министров и отличалась ли их деятельность на постах от деятельности тех, кто не имел к области культуры никакого отношения, сказать сложно. Данная проблема выходит за рамки нашего исследования.

Анализ бассейна рекрутирования региональных руководителей культуры показал, что в случае этого сегмента административной элиты, как и в случае региональной административной элиты РФ в целом, можно говорить о бюрократической профессионализации. Существенная часть министров культуры до назначения на свой пост занимала административные должности на местном и региональном уровне. В то же время данная часть бюрократической элиты является более открытой, поскольку для нее в большей степени характерно рекрутирование извне. При этом наиболее значимую роль в этом рекрутировании играют люди, занимающие промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре как ресурсе для рекрутирования (сфера культуры, науки и образования). Таких людей можно было бы отнести к интеллигенции. Как я предполагаю, лица, пришедшие с различных должностей учреждений культуры, чаще становятся лоббистами этой отрасли. С другой стороны, бизнес-структуры в гораздо меньшей степени, если сравнивать с региональной административной элитой в целом, являлись бассейном для внешнего рекрутирования на должности руководителей ведомств по управлению региональной культуры.

Насколько институционализована изучаемая нами группа региональной элиты, что именно представляет собой специфический бассейн ее рекрутирования, из чего состоит и как поддерживается ее собственная социальная база, — вопросы, которые требуют дальнейшего исследования. Чтобы ответить на них, необходимо изучить данные более ранних этапов управления культуры в субъектах Российской Федерации. Этому должны быть посвящены последующие исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гольбрайх Владимир Беньяминович — кандидат социологических наук, научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (951) 668-91-87. **Электронная почта:** vgolbrai@mail.ru.

Research Article

VLADIMIR B. GOLBRAIKH¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences 25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St. Petersburg, Russia

**REGIONAL MINISTERS OF CULTURE: PECULIARITIES
OF CAREER TRAJECTORIES AND RECRUITMENT POOLS**

Abstract. This article is devoted to the study of career trajectories of representatives of regional elites responsible for implementing cultural policy in the constituent entities of the Russian Federation. Using the method of structural and biographical analysis, the biographies of 129 ministers held office in 2020 and 2024 were considered. The features of this group of regional bureaucracy were identified. The author mentions, that a significant portion of ministers graduated from specialized universities related to the cultural sphere and previously worked in the relevant field, and also held administrative positions at the local and regional levels. Consequently, as in relation to the regional administrative elite, one can talk about the bureaucratic professionalization of the heads of departments responsible for implementing cultural policy in the regions. At the same time, the part of the administrative elite under investigation is more open compared to the regional administrative elite as a whole. External recruitment is more typical for it. The study showed that a serious role in this recruitment process is belong to the groups occupying intermediate positions in the socio-professional structure (the sphere of culture, science and education). It can be assumed that people who came from various positions in cultural institutions are, to a greater extent, lobbyists for this industry. A significant portion of officials, after leaving the post of head of regional culture, get jobs in cultural and educational institutions. On the other hand, business structures, to a much lesser extent, if compared with the regional administrative elite as a whole, were a pool for recruitment for the positions of heads of departments for the management of regional culture.

Keywords: regional ministers of culture, regional administrative elite, career, recruitment pool.

For citation: Golbraikh V.B. Regional ministers of culture: peculiarities of career trajectories and recruitment pools. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 110–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.3>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir B. Golbraikh — Candidate of Sociology, researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (951) 668-91-87. **E-mail:** vgolbrai@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Быстрова А.С. Губернаторы и члены региональных правительств: карьерные траектории высших представителей исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 4. С. 45–100. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.3>. EDN: MKJFKG
Bystrova A.S. Governors and members of regional governments: career paths of senior executive officials of the Russian Federation subjects. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 45–100. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.3>. (In Russ.)
2. Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN: YLPHEC
Bystrova A.S. Regional officials and politicians of the Russian Federation: a comparative analysis of careers. *Vlast' i elity = Power and elites*. Vol. 9. No. 2. P. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. (In Russ.)
3. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Инфра-ресурсы региональных политических элит // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 2. С. 6–25. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-6-25>. EDN: EFHGMO
Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Infra-resources of regional political elites. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*. 2020. Vol. 21. No. 2. P. 6–25. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-6-25>. (In Russ.)
4. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: HHPAWU

- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Regional political elite: careers and pool of recruitment. *Vlast' i elity= Power and elites*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 76–122.
<https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. (In Russ.)
5. Ветренко И.А., Жуков И.К. Региональная политическая элита: основные тенденции в системе рекрутирования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 3. С. 62–73. EDN: TALJIN
Vetrenko I.A., Zhukov I.K. Regional political elites: Main tendencies in the system of recruitment. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2013. Vol. 9. No. 3. P. 62–73. (In Russ.)
 6. Востряков Л.Я. Наброски к социально-политическому портрету региональных управленцев культуры // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 4. С. 166–177. EDN: KVIKHN
Vostryakov L.Ya. Sketches to sociopolitical portrait of regional managers of culture. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2006. Vol. 2. No. 4. P. 166–177. (In Russ.)
 7. Востряков Л.Я. Руководители учреждений культуры регионов: штрихи к социальному портрету // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. № 4. С. 235–247. EDN: HSKUCR
Vostryakov L.Ya. The executives of the establishments of culture of the regions: some streaks to a social portrait. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo*. 2004. No. 4. P. 235–247. (In Russ.)
 8. Востряков Л.Я., Чириков Е.П. Региональный администратор культуры: социально-профессиональные характеристики и ценностные ориентации // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 159–171. EDN: MNHAXT
Vostryakov L.Ya., Chirikov E.P. Regional cultural administrator: social and professional characteristics and value orientations. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. No. 2. P. 159–171. (In Russ.)
 9. Гульбрандсен Т. Элиты и профессионалы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 11. С. 71–83.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-71-83>. EDN: WYHZDD
Gulbrandsen T. Elites and professions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. Vol. 60. No. 11. P. 71–83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-71-83>. (In Russ.)
 10. Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // Власть и элиты. 2016. Т. 3. № 3. С. 121–186.
<https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>. EDN: XYNQOT

- Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. The regional power groups: main socio-structural characteristics and innovation potential. *Vlast' i elity= Power and elites*. 2016. Vol. 3. No. 3. P. 121–186. <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>. (In Russ.)
11. Дука А.В. Институционализация российской политико-административной элиты // Политическая наука. 2009. № 3. С. 110–140. EDN: KUBFUD
Duka A.V. The institutionalization of Russian political-administrative elite. *Politicheskaya nauka*. 2009. No. 3. P. 110–140. (In Russ.)
 12. Жога Г. Культурная политика и экономические кризисы: еще один взгляд на пермскую «культурную революцию» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 3. С. 206–230. EDN: XWHNWN
Zhoga G. Cultural policy and economic crises: another look at the perm “cultural revolution”. *Neprikosnovennyyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2020. No. 3. P. 206–230. (In Russ.)
 13. Колесник Н.В., Тев Д.Б. Биография элиты: возможности социоструктурного анализа // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 76–84. EDN: KHQVRD
Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Biography of the elite: possibilities of socio-structural analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. No. 6. P. 76–84. (In Russ.)
 14. Крыштановская О. В., Лавров И. А. Профессионалы в политике и профессиональные политики // Мир России. 2025. Т. 34. № 1. С. 6–30. <http://www.doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-6-30>. EDN: MUOCKR
Kryshтанovskaya O.V., Lavrov I.A. Professionals in Politics and Professional Politicians. *Mir Rossii*. 2025. Vol. 34. No. 1. P. 6–30. (in Russ.).
<http://www.doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-6-30>. (in Russ.).
 15. Мельников К.В. Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного сетевого анализа // Политическая наука. 2021. № 4. P. 210–238. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>. EDN: IBEOBM
Melnikov K.V. Bureaucratic patronage and patterns of administrative recruitment of regional elites in Russia: a comparative network analysis. *Political science (RU)*. No. 4. P. 210–238.
<http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>. (In Russ.)
 16. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под. ред. А.В. Дука. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
Regional'nyeeelity Severo Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii [Regional elites of North-West Russia: Political and economic orientations]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Aleteya, 2001. 352 p. (In Russ.)

17. Сергеев С.А., Зиннатуллин А.З. Губернаторский корпус в 2005–2012 гг.: карьерные траектории // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2014. № 4 (28). С. 122–136. EDN: TBQIEB
Sergeev S.A., Zinnatullin A.Z. Gubernator's corpus in 2005–2012: Career trajectories. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Politologiya»*. 2014. No. 4. P. 122–136. (In Russ.)
18. Тев Д.Б. Высокопоставленные чиновники министерств социального блока российского правительства: каналы рекрутирования и карьера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 493–509.
<http://www.doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-493-509>. EDN: SAJIFL
Tev D.B. High-ranking officials of Russia's social ministries: Recruitment channels and careers. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2024. Vol. 24, No. 2. P. 493–509. <http://www.doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-493-509>. (In Russ.)
19. Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>. EDN: RXYACY
Tev D.B. Regional administrative elite: socio-professional sources of recruitment and careers. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>. (In Russ.)
20. Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 115–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>. EDN: WEBMZF
Tev D.B. *Federal administrative elite of Russia: Career paths and channels of recruitment*. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2016. No. 4. P. 115–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>. (In Russ.)
21. Чирикова А.Е., Чириков Е.П. Чиновники Санкт-Петербурга: социально-профессиональный портрет // Российские властные институты и элиты в трансформации / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 259–284.
Chirikova A.E., Chirikov E.P. Officials of Saint Petersburg: A socio-professional portrait. *Rossiiskievlastnyeinstitutyielity v transformatsii* [Russian power institutions and elites in transformation]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2011. P. 259–284. (In Russ.)
22. Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 46–56. EDN: UXWWYD

- Shentyakova A. V. Pronicaemost' kanalov rekrutirovaniya v politicheskuyu elitu [Permeability of recruitment channels in to the political elite]. *Vestnik Sankt-Peterburgskougouniversiteta Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyeyotnosheniya*. 2015. No. 3. P. 46–56. (In Russ.)
23. Шентякова А.В. Факторы и ресурсы карьеры региональной элиты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 2. С. 56–64. EDN: QCSPZN
Shentyakova A.V. Factors and resources of the career of regional elite. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. No. 2. P. 56–64. (In Russ.)
 24. Boldrini M., Grimaldi S. Political careers and stability in office of regional ministers in Italy. *Regional & federal studies*. 2025. Vol. 35. No. 2. P. 229–256. <https://doi.org/10.1080/13597566.2023.2268524>
 25. Gulbrandsen T. Rise and fall of elites: professionals as movers? *European Societies*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 159–182. <https://doi.org/10.1080/14616696.2017.1390144>
 26. Henningsen E., Røyseng S. Cultural policy, politicians and the logic of appropriateness. *International journal of cultural policy*. 2025. P. 1–14. <https://doi.org/10.1080/10286632.2025.2490171>.
 27. Hoffmann-Lange U. Theory-based typologies of political elites. *The Palgrave handbook of political elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan UK, 2018. P. 53–68.
 28. Huskey E. Elite recruitment and state-society relationships in technocratic authoritarian regimes: The Russian case. *Communist and post-communist studies*. 2010. Vol. 43, No. 4. P. 363–372. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>
 29. Jäckle S. What comes after cabinet? Post-cabinet careers of German regional ministers between 1945 and 2014. *Social sciences*. 2023. Vol. 12, No.11. P. 1–34. <https://doi.org/10.3390/socsci12110601>
 30. Jakobson L., Rudnik B., Toepler S. From liberal to conservative: shifting cultural policy regimes in post-Soviet Russia. *International Journal of Cultural Policy*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 297–314. <https://doi.org/10.1080/10286632.2016.1186663>
 31. Müller-Rommel F., Kroeber C., Vercesi M. Political careers of ministers and prime ministers. *The Oxford handbook of political executives*. Ed. by R.B. Andrew, R. Elgie, L. Helms, F. Müller-Rommel, J. Kaarbo. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 229–250.

32. Ruostetsaari I. Social upheaval and transformation of elite structures: The case of Finland. *Political studies*. 2006 Vol. 54. No. 1. P. 23–42.
<https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2006.00564.x>
33. Stolz K., Fischer J. Post-cabinet careers of regional ministers in Germany, 1990–2011. *German politics*. 2014. Vol. 23. No. 3. P. 157–173.
<https://doi.org/10.1080/09644008.2014.949683>
34. Thiebault J.-L. The social background of Western European cabinet ministers. *The profession of government minister in Western Europe*. Ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault. London: Macmillan, 1991. P. 19–30.